УЩЕРБ 2
ЕЛЕНА АРС
18+

ЕЛЕНА АРС

УЩЕРБ 2

«Автор»
2026

АРС Е.

УЩЕРБ 2 / Е. АРС — «Автор», 2026

Бывший следователь-криминалист Инга Морозова уходит из полиции в науку и включается в исследования в рамках закрытой программы изучения серийных преступников.Она работает с подозреваемыми и с осуждёнными маньяками, в том числе с Ильёй Макроцким, в программе «Геном 7». Инга пытается понять, как наследуется склонность к насилию? Не несёт ли в себе её семилетняя дочь ту же тьму, что и её отец Илья Макроцкий?Где проходит граница между нормой и чудовищем? В генах, в воспитании, в выборе? И можно ли предсказать рождение монстра в человеке до того, как он проявится, не сломав при этом жизни его жертвам?

© АРС Е., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 «Звонок» 5
Глава 2 «Собеседование» 11
Конец ознакомительного фрагмента. 17

ЕЛЕНА АРС
УЩЕРБ 2

Глава 1 «Звонок»

Дождь хлестал по окнам так, точно хотел пробиться внутрь, разнести стекло в мелкую крошку и залить квартиру ледяной водой. Инга стояла у окна, отпивая из белой фарфоровой чашки горячий чай, и смотрела, как город тонет в темноте. Фонари мерцали, как больные глаза, и в их дрожащем свете всё казалось ненастоящим. Казалось, она попала в чужой сон, где предметы абсолютно не совпадают с реальностью.

Консультаций на вечер никому не назначено. Она хотела погулять с дочкой, почитать перед сном детективчик. Но планы неожиданно поменялись. Сегодня всё началось с мелочи. С одной-единственной детали, которую она сначала даже не заметила.

Ключ.

Она всегда оставляла его на крючке у двери, на том самом крючке, который когда-то прибил её отец, ворча, что «вечно теряешь, а потом кричишь, что я виноват». Ключ был тяжёлый, латунный, с зубцами, которые царапали ладонь, если держать его неправильно или сильно сжать. Сегодня его не оказалось на своём месте.

Инга медленно повернулась, оглядывая прихожую. Крючок пуст. На деревянной поверхности темнело пятно от металла. Значит, ключ висел там ещё недавно.

— Может, я сама переложила в спешке? — прошептала она, словно надеялась, что тишина ответит.

Но тишина только слушала. И слушала слишком внимательно.

Она прошла в комнату, проверяя карманы куртки, ящики в комоде и письменном столе, посмотрела в кухне и даже между подушками дивана. Вдруг случайно уронила? Ничего. Потом вернулась к двери и потрогала крючок, словно прикосновение могло вернуть пропажу.

И тогда она увидела это.

На полу, у самого порога, лежала тонкая полоска грязных следов. Но не ровная, как бывает, а как будто кто-то прошёл, а потом провёл по ней ладонью. Полоска шла от двери к середине коридора и обрывалась, словно человек остановился, прислушался… и понял, что его заметили.

Сердце Инги ударилось о рёбра так сильно, что в ушах зашумело. Она сделала шаг назад, не сводя глаз с этой полоски, и вдруг поняла, что дверь ведь всегда закрыта? Она точно помнила, как щёлкнул замок, как провернулся ключ. Она всегда проверяла дважды.

Но если дверь была закрыта, как грязные следы могли появиться и дорожка из этих следов могла оказаться нарушенной?

Телефон лежал на столе, холодный и молчаливый. Инга схватила его, её пальцы слегка дрожали. Экран не сразу реагировал на прикосновения. Она набрала номер сестры, но услышала только длинные гудки, а потом механический голос: «Абонент временно недоступен».

— Чёрт, — прошептала она и тут же испугалась собственного голоса.

В квартире стало слишком тихо. Даже дождь, казалось, притих, прислушиваясь.

Она медленно пошла по коридору, стараясь ступать бесшумно, хотя каждый шаг отзывался в голове ударом молотка. Кухня была пуста. Ванная тоже. В спальне на кровати покрывало лежало ровно, подушки лежали ровно, как она их оставила утром. Но что-то было не так.

Запах.

Слабый, едва уловимый, но чужой. Не её духи, не запах стирального порошка, не кофе. Что-то терпкое, металлическое, как будто где-то рядом открыли банку с протухшим мясом. Или с кровью.

Инга замерла, вцепившись в дверной косяк. Её взгляд скользнул по комнате и остановился на тумбочке. На ней стояла старая фотография в красивой рамке. Рядом лежал детектив. Тот, что она не открывала уже год. И книга была сдвинута и открыта. Совсем чуть-чуть, на пару сантиметров, но этого хватило, чтобы сердце провалилось куда-то вниз.

Она никогда не оставляла его приоткрытым. Никогда.

Пальцы сами потянулись к обложке, но она отдёрнула руку, боясь обжечься. Вместо этого она снова посмотрела на дверь. И тут заметила ещё одну деталь.

Щеколда замка.

Раньше она была чуть сдвинута, потому что язычок не до конца входил в паз. Инга привыкла к этому и даже не замечала. Теперь же щеколда лежала ровно, идеально, как будто кто-то аккуратно подправил её, чтобы не скрипела.

«Кто-то был здесь», — подумала она, и эта мысль ударила по сознанию, как разряд тока.

Не призрак, не сквозняк, не игра воображения. Кто-то. Живой. Дышащий. Стоявший в её спальне и листавший её книгу, смотревший её фотографию.

Она метнулась к шкафу, схватила тяжёлую чугунную сковородку, — единственное, что пришло в голову, — и прижала её к груди, как щит. Руки тряслись, но теперь это была не слабость, а напряжение, собранное в тугую пружину.

— Кто здесь? — выкрикнула она, и голос прозвучал громче, чем она ожидала, отразившись от стен и вернувшись к ней чужим эхом.

Тишина ответила не сразу. Сначала просто повисла, густая, как смола. А потом…

Скрип.

Один короткий, резкий звук, будто кто-то наступил на половицу в коридоре. Инга застыла, чувствуя, как по спине ползёт ледяная капля пота. Она медленно повернула голову в сторону прихожей.

Там было темно. Слишком темно, даже для вечера. Тьма сгустилась, стала плотной, осязаемой.

И вдруг в этой темноте что-то шевельнулось.

Не тень. Не отблеск света. А именно чьё-то движение, плавное, осторожное, как у хищника, который знает, что его видят, но не боится.

Инга сделала шаг назад, споткнулась о край ковра и едва не упала. Сковородка чуть не выскользнула из рук.

— Уходи! — крикнула она, и в этом крике прозвучало больше страха, чем злости. — Уходи, я вызову полицию!

Ответа не последовало. Но движение повторилось. Теперь ближе.

Она рванулась к столу, где лежал телефон, но в тот момент, когда пальцы коснулись экрана, свет погас.

Квартира погрузилась в абсолютную темноту. Не ту, что бывает ночью, когда глаза постепенно привыкают, а в плотную, чёрную, давящую темноту, в которой невозможно отличить собственные руки от пустоты.

Инга застыла, прижавшись спиной к стене, и слушала, как стучит её сердце. А оно колотилось громко, отчаянно, пытаясь пробиться сквозь рёбра.

А потом она услышала дыхание.

Не своё.

Чьё-то чужое, ровное, спокойное, как будто человек стоял прямо перед ней и ждал, когда она поймёт, что бежать ей некуда.

— Кто ты? — прошептала она, и этот шёпот прозвучал в темноте как признание поражения.

Ответ пришёл не словами.

Сначала она почувствовала холод. Он прокатился по коже, как ледяная волна, заставив волосы встать дыбом. Потом она почувствовала запах. Тот самый, металлический, от которого хотелось закрыть нос и отвернуться.

И наконец она ощутила прикосновение.

Лёгкое, едва ощутимое, как перышко, скользнувшее по её запястью. Но Инга знала, что это не перышко. Это палец. Длинный, сухой, с шершавой кожей.

Она закричала.

Звук вырвался из груди, разрывая тишину, и в этот момент свет вспыхнул снова. Резко, ослепительно, как удар молнии.

Коридор был пуст.

Никого. Ни тени, ни движения, ни следа на пыльном полу. Только сковородка валялась у её ног, а на запястье краснела тонкая царапина от ногтя.

Инга опустилась на пол, прижимая колени к груди, и смотрела на эту царапину, не в силах поверить, что она настоящая.

И тут зазвонил телефон.

Экран высветил имя сестры. Инга схватила трубку, пальцы скользили по стеклу.

— Алло! — выкрикнула она, голос дрожал. — Ты где? Тут… тут кто-то был…

Сестра ответила не сразу. А когда заговорила, её голос звучал странно. Как-то слишком спокойно, слишком ровно.

— Инга, — сказала она, и в этом слове сквозило что-то, от чего кровь стыла в жилах. — Ты ведь знаешь, что я в больнице. Уже третий день. У меня забрали телефон на ночь.

Инга почувствовала, как мир вокруг неё качнулся и пошёл трещинами.

— Но… — прошептала она. — Но ты звонила утром… приглашала в гости…

— Я не звонила, — ответила сестра. — И не могла.

Телефон выскользнул из её рук и упал на пол. Экран треснул, но продолжал светиться, показывая имя абонента.

Только теперь Инга поняла: звонок шёл не от сестры.

Он шёл изнутри квартиры.

Из темноты шкафа. Из-за закрытой двери. Из того места, где никого не должно было быть.

И в этот момент дверь в спальню медленно, без скрипа, начала открываться.

Инга проснулась от собственного крика. Он застрял в горле, сухой и горячий, как пепел. Она резко села на кровати, хватая воздух, и несколько секунд не могла понять, где находится. Комната была знакомой. Это её спальня, шкаф с книгами, тусклый свет ночника, одеяло, сползшее на пол. Всё обычное. Слишком обычное после того, что только что происходило.

А потом она вспомнила весь сон. Ей приснился Илья. Огромное здание с бесконечными комнатами. Синие круги, затягивающие в воронку. Его голос, который шёл из самой темноты:

— Ты ведь знаешь, что границы нет.

И самое страшное в её сне казались не его слова, а то, как она сама в тот момент почти согласилась с ним. Как будто внутри неё что-то отозвалось и узнало эту тьму. Её снова затягивала бездна страха.

Во сне она сжала кулаки, так, что ногти впились в ладони и теперь она смотрела на оставшиеся следы, маленькие кровавые вмятинки. Для неё это был способ убедиться, что она здесь, что это был сон. Реальность должна быть твёрдой, осязаемой, скучной. Именно скука казалась реальным спасением.

В комнате тихо. Только где-то за стеной тикают часы. Спокойно, буднично, совсем не так, как в её сне, где каждый «тик-так» звучал приговором. Инга опустила ноги на пол, коснулась пальцами холодного паркета и глубоко вдохнула. Запах был другим. Не металлический запах крови, не спирт и горький миндаль парфюма Ильи, а аромат её собственного дом с его привычными запахами.

— Это был сон, — повторила она громко, отчётливо, как заклинание, выделяя каждое слово. — Просто сон. Куда ночь, туда и сон.

Но чувство тревоги не уходило. Оно цеплялось за рёбра, сжимало грудь, шептало:

— А если это не просто сон? Если это предупреждение?

Она встала, прошла на кухню, налила стакан воды и выпила его залпом, чувствуя, как холод стекает внутрь, смывая остатки кошмара. Потом посмотрела на телефон, лежащий экраном вниз на столе. Экран загорелся, когда она коснулась его, и Инга вздрогнула. Ей показалось, что на нём высветится имя Ильи.

Но на экране возник незнакомый номер и надпись «Пропущенный вызов». Инга нахмурилась. Кто может звонить в такое время? Она нажала на уведомление, и телефон тут же зазвонил снова.

— Алло? — её голос прозвучал слегка хрипло, но спокойно, доброжелательно, ровно. Она всё ещё не до конца проснулась.

— Инга Юрьевна Морозова? — в трубке звучал низкий, спокойный мужской голос. — Меня зовут Данилов Игорь Николаевич. Я представляю межведомственную рабочую группу по особо опасным преступлениям.

Инга замерла, пальцы крепче сжали телефон.

— Да, это я, — ответила она, стараясь, чтобы голос продолжал звучать ровно.

— Мы изучили вашу диссертацию по когнитивным искажениям у лиц с антисоциальным поведением, — продолжил Данилов. — И ваши публикации по нейроэтике. Нам нужен специалист вашего профиля.

Сердце Инги пропустило удар. Она хотела спросить «зачем», но уже знала ответ. Он висел в воздухе, тяжёлый и неизбежный.

— У нас запускается новый проект, — продолжал Данилов, и в его голосе появилась та самая интонация, с которой говорят о чём-то важном, секретном, почти запретном. — Программа «Геном 7». Её цель — создать систему раннего выявления склонности к серийным преступлениям на стыке генетики, нейробиологии и поведенческого анализа. Мы хотим не просто ловить преступников, а предотвращать преступления.

Название программы ударило по сознанию, как разряд тока. Геном 7? Она слушала об этой секретной программе, которая пыталась разобрать человека на части, чтобы научиться предсказывать преступление. А теперь это становится реальностью для неё. Или… почти реальностью.

— Вы хотите, чтобы я изучала маньяков, — сказала Инга, и это прозвучало не как вопрос, а как согласие.

— Я хочу, чтобы вы включились в программу и помогли нам понять, как эта тьма, это безумие зарождается в человеке, — спокойно ответил Данилов. — Чтобы мы могли увидеть её след раньше, чем она станет преступлением. Ваша экспертиза критически важна.

Инга закрыла глаза. Перед внутренним взором снова вспыхнули синие круги из сна, закружились, затягивая в себя. Она увидела лицо Ильи. Совсем не злое, не безумное, а усталое. Он сам надорвался от той силы зла, которая жила внутри него. И в этот момент она поняла, что сон вещий. Сон был предупреждением и подготовкой.

— Когда нужно начинать? — спросила она, и голос её звучал твёрдо, без колебаний.

Данилов, казалось, чуть заметно улыбнулся, хотя Инга не могла его видеть.

— Вы ведёте частную практику, проблем не возникнет, — ответил он. — А мы уже подготовили для вас доступ к первым материалам нашей программы. Это будет непросто. Вы будете смотреть в лица людей, которые умеют прятать свою суть так, что даже близкие её не замечают и не понимают. Но если кто-то и сможет увидеть то, что скрыто, — это Вы. Простите, но только без обид. Вы ведь знаете это не по книгам.

Инга посмотрела в окно. За стеклом город ещё спал, укутанный в темноту, но на горизонте уже пробивалась тонкая полоса рассвета. Новый день. Новая дорога.

— Хорошо, — сказала она. — Я согласна.

Когда она положила трубку, тишина в квартире стала другой. Она больше не казалась безопасной. Она казалась полной возможностей и опасностей. Инга подошла к окну, распахнула створку рамы, оперлась о подоконник и глубоко вдохнула утренний воздух.

Сон растворялся, становился зыбким, как туман, который рассеивается под первыми лучами солнца. Но одно оставалось явным и бесповоротным. Она приняла решение. И теперь ей предстояло встретиться с тьмой не во сне, а наяву. Снова окунуться в бездну…

Инга замерла в дверях детской и смотрела, как спит Лиза. В комнате тихо, только из приоткрытого окна тянуло прохладным воздухом, шевелившим тонкую занавеску. Лиза лежала на боку, подтянув колени. Одеяло сползло, открыв худенькое плечо. Прядь белокурых волос упала на лицо. Инга хотела подойти и убрать её, но остановилась. Побоялась разбудить дочурку.

И в этом полумраке, спокойном дыхании Лизы, в изгибе её тела Инга вдруг увидела то, от чего у неё внутри всё сжалось: Лиза была как будто слеплена из тех же линий, что и Илья. Не чертами лица, нет. Нос у Лизы был мамин, глаза бабушкины, мягкие, добрые. Но изгиб бровей, чуть упрямый угол подбородка, даже то, как она держала руку, подложив под щёку, — всё это отзывалось в памяти таким знакомым, почти пугающим. Как будто прошлое тихо подложило ей эту памятку, чтобы Инга не забывала.

— Это просто совпадение, — сказала она себе, как заклинание. — Просто гены… Нет, это случайность, игра света.

Но сердце всё равно билось где-то в горле, мешая дышать.

Она тихо прикрыла дверь, стараясь не скрипнуть, и пошла на кухню. Там всё было привычно для этого часа. Закипавший чайник на плите, который всегда свистит на одной и той же ноте; на столе чашка с ажурными краями и голубыми незабудками, которую Инга никак не могла выбросить, потому что в ней кофе всегда казался вкуснее; пачка хлопьев, которую Лиза обожала.

Инга насыпала хлопья в миску, залила молоком, поставила на стол и только тогда поняла, что руки у неё слегка дрожат.

— Мам? — Лиза появилась в дверях, ещё сонная, волосы взъерошены, глаза чуть прищурены от света.

Инга тут же натянула улыбку, самую тёплую, какую могла.

— Доброе утро, солнышко. Садись, завтрак готов.

Лиза села за стол, зевнула, обхватила свою чашку с розочками ладонями, будто хотела согреться.

— Ты какая-то странная сегодня, — сказала она между ложками хлопьев. — Как будто боишься чего-то.

Инга замерла. Ей хотелось соврать. Сказать, что просто не выспалась, голова болит, что всё нормально. Но она не смогла.

— Сегодня у меня важное собеседование, — призналась она. — И я немного волнуюсь.

— А куда? — спросила Лиза, уже не сонно, а заинтересованно.

— В один научный проект, — уклончиво ответила Инга. — Там будут изучать, почему люди иногда делают плохие вещи. Чтобы потом помогать, чтобы таких вещей случалось меньше.

Лиза на секунду задумалась, склонив голову, взвешивая каждое слово.

— Как в книжке про злодеев? — спросила она. — Ты будешь искать, где у них кнопка «стоп», и нажимать её?

Инга рассмеялась искренне, впервые за утро.

— Вроде того, — кивнула она. — Только без кнопок. Просто будем стараться понять и помочь не совершать плохое.

Они доели завтрак в тишине, но это была хорошая тишина. Та, что бывает между близкими, когда слова не нужны. Инга собрала Лизу: натянула на неё тёплый свитер, застегнула куртку, завязала шарф, поправила шапку, чтобы не сползала. А потом крепко обняла и расцеловала щёчки своей дочурки. Лиза терпеливо стояла, иногда вздыхала, но не вырывалась. Она знала, что мама делает это не потому, что не верит, что она уже большая, а потому, что любит.

По дороге в садик они шли быстро, но не бегом. Инга специально замедляла шаг, чтобы успеть впитать эти минуты. Снова осень… Её любимое время года. Листья шуршали под ногами, воздух свежий, с лёгкой горечью, и город кажется не враждебным, а просто большим и немного холодным. Лиза весело болтала про воспитательницу, про новую девочку в группе, про то, что ей подарили наклейку с кошкой, а она хотела с птичкой. Инга слушала, кивала, задавала вопросы и чувствовала, как страх перед собеседованием отступает, прячется куда-то вглубь, уступая место этому маленькому, хрупкому счастью.

У ворот садика Лиза остановилась, посмотрела на Ингу снизу вверх и вдруг крепко обняла её, уткнувшись носом в пальто.

— Ты не волнуйся, ладно? — прошептала она. — У тебя всё получится.

Инга обняла её в ответ, прижала к себе, вдохнула запах детского шампуня от волос Лизы и на секунду закрыла глаза.

— Спасибо, моя хорошая, — тихо сказала она. — Я постараюсь.

Когда Лиза ушла внутрь, помахав на прощание, Инга ещё постояла ещё немного, глядя, как закрывается тяжёлая дверь, как за ней исчезает маленькая фигурка в ярко-красной шапочке. Потом глубоко вздохнула, расправила плечи и проверила в сумке папку с документами.

До собеседования оставалось сорок минут. И теперь, когда она осталась одна, страх вернулся. Но уже не как паника, а как холодное, собранное напряжение. Она знала, куда идёт. Знала, о чём будут спрашивать. Знала, если её возьмут и она подпишет контракт, её жизнь больше не будет прежней.

Город шумел вокруг, машины гудели, прохожие спешили по своим делам, и Инга влилась в этот поток, чувствуя, как каждый шаг приближает её к чему-то большому и неизбежному.

Глава 2 «Собеседование»

Здание было не из тех, что бросаются в глаза. Серый монолит без вывесок, с глухими окнами и входом, который выглядел как служебный. Инга остановилась перед турникетом, достала из папки пропуск, который ей прислали доставкой. Пластиковая карта без имени, только штрихкод и номер. Охранник молча кивнул, приложил карточку к считывателю, и дверь щёлкнула, открываясь с тяжёлым, почти торжественным звуком.

Просторный вестибюль встретил её уютом и спокойной, почти домашней атмосферой. Высокие потолки не давили, их смягчали деревянные панели тёплого медового оттенка. Казалось, кто-то специально хотел сказать: «Здесь не нужно бояться». Пол был из полированного мрамора, но не холодного и скользкого, а с тёплым подтоном, и шаги по нему звучали не гулко, а мягко, почти по-домашнему.

Вдоль стен стояли глубокие кресла с плотными подушками, обитыми тканью спокойного серо-зелёного цвета. Между ними расположились низкие столики из того же дерева, что и панели, с аккуратно разложенными научными журналами и тонкими планшетами для посетителей. На одном из столиков стояла небольшая керамическая чаша с гладкими камешками, наверное, на удачу для тех, кто пока ждёт, мог перебирать их пальцами.

У дальней стены тихо журчал небольшой водопад, встроенный в вертикальную панель из матового стекла. Вода струилась тонкими прозрачными лентами, и этот звук, такой ровный, убаюкивающий, создавал ощущение, что время здесь течёт чуть медленнее, чем снаружи. Над водопадом висели лаконичные надписи из тонких металлических букв: «Nullius in verba» («Ничего не принимай на веру»), «Cogito, ergo sum» («Я мыслю, следовательно, существую»), «Знание – сила», «Adversus malum scientiae vitam»(«Против зла – во имя науки»)/

За стойкой ресепшен, выполненной из того же камня, что и пол, сидела администратор в тёмно-синем костюме. Её лицо было спокойным, движения размеренными, и от этого становилось чуть легче. На стойке стоял стеклянный сосуд с живыми белыми тюльпанами. Единственный яркий акцент в сдержанном интерьере.

Но стоило поднять взгляд выше, и уют начинал обрастать деталями, которые напоминали, что это не гостиная, а научный центр. На стенах между деревянными панелями висели тонкие экраны, на которых без звука бежали графики, диаграммы, схемы. Цвета были приглушёнными, линии чёткими, и всё вместе выглядело как тихий пульс невидимой работы. Рядом с экранами крепились небольшие таблички с короткими пояснениями: «Динамика когнитивных нагрузок», «Температурные аномалии в изолированных зонах», «Распределение потоков персонала»…

Слева от ресепшен начинался широкий коридор, уходящий вглубь здания. Его стены были уже не деревянными, а из матового бетона, и вдоль них тянулись ряды прозрачных шкафчиков с аккуратно расставленными образцами: минералами, кристаллами, тонкими срезами тканей под стеклом. Каждый образец сопровождала маленькая табличка с номером и сухой технической пометкой: «Образец 342-К. Стабильность структуры при −196 °C», «Фрагмент 118-М. Реакция на импульсное излучение».

Над входом в коридор висела схема центра. Большая, подробная, с цветовой кодировкой зон. Зелёные линии вели в административные и гостевые помещения, жёлтые — в лаборатории общего доступа, красные — в изолированные и экспериментальные блоки. И именно красные линии, тонкие и резкие, словно предупреждали об опасности. Дальше начинается территория, где твоя безопасность остаётся позади.

Рядом со схемой стоял терминал для пропусков. Его экран был тёмным, но стоило Инге поднести карточку, как он мягко загорался, сканируя штрихкод, и тихий голос из динамика произносил: «Добро пожаловать в „Аксис“. Ваш маршрут подтверждён».

Воздух в вестибюле пах чистотой и чем-то едва уловимым. Не парфюмом, конечно, а скорее озоном и сухими травами. Казалось, систему вентиляции специально настраивали так, чтобы запах успокаивал, но не усыплял. И в этом запахе чувствовалась работа фильтров, датчиков, и напряжение постоянного контроля.

Когда она сделала несколько шагов вперёд, автоматические двери бесшумно разъехались в стороны, открывая вид на следующий зал, уже более строгий, с высокими стеллажами и стеклянными перегородками, за которыми мелькали фигуры в белых халатах. Кто-то склонялся над приборами, кто-то быстро печатал на сенсорных панелях, и все они двигались так, словно знали, что здесь каждая секунда на счету.

И всё же центр продолжал держать свою линию. Он словно говорил каждому, кто сюда входил: «Мы понимаем, что тебе страшно. Поэтому начнём с тишины, с тюльпанов, с мягкого света. Но помни, за этой тишиной идёт работа, которая не прощает ошибок».

Инга направилась по стрелкам, мерцающим зелёным неоном, в административную часть здания. Коридор пах дезинфекцией и тишиной, которую специально создавали толстые панели на стенах. Повсюду разливался приглушённый свет. Её удивило полное отсутствие эха. Инга шла по коридору, чувствуя, как каждый шаг отдаётся только в груди. Она знала, что сейчас решается не просто вопрос работы. Для неё решается, какой жизнь станет дальше. Её жизнь снова поделится на «до» и «после».

Кабинет полковника Игоря Николаевича Данилова был обставлен так, точно кто-то специально старался стереть из него всё личное. Стол из тёмного дерева, тяжёлый и основательный, казалось, пришёл сюда из другого времени. Не из этой эпохи экранов и датчиков, а из тех лет, когда решения принимали, глядя человеку в глаза. На полированной поверхности столешницы не было ничего лишнего. Аккуратная стопка папок с серыми обложками, металлическая ручка, часы с тихим, почти неслышным ходом.

Стулья напротив стола стояли ровно, на одинаковом расстоянии. Наверное, их расставляли по линейке, для порядка. Инга села на один из них, и ей показалось, что сама поза здесь должна быть правильной. Обязательно спина прямая, руки спокойно лежат на коленях, никаких лишних движений.

На стене мигала карта города цветными метками-сигналами. Красные, жёлтые, зелёные точки вспыхивали и гасли, словно город дышал в ритме чьих-то тревог. Инга не успела рассмотреть, что они значат? То ли районы с повышенной напряжённостью, то ли места, где сработали датчики, а может, чьи-то маршруты, которые кто-то очень внимательно отслеживал. От этого мерцания в глазах рябило, и хотелось отвести взгляд, но Инга не позволила себе этого сделать. Она должна была видеть всё.

Воздух в кабинете был прохладным и неподвижным, словно его специально удерживали в таком состоянии, чтобы ничто не отвлекало. Пахло бумагой, деревом и тайной. Этот запах тоже был частью порядка, частью системы, где у каждого элемента имелось своё место.

— Присаживайтесь, Инга Юрьевна, — сказал он ровно, без улыбки. — Спасибо, что приехали.

Она села, положила папку с документами на стол, руки на колени, чтобы не выдать своего волнения.

— Давайте сразу к делу. Вы знаете, о чём проект «Геном 7», — продолжил Данилов. — Но я хочу услышать от Вас, как Вы сами видите свою роль в нём? Не то, что написано в анкете. А именно зачем Вы здесь?

Инга на секунду опустила глаза. Перед ней мелькнули обрывки сна, где вращались синие круги, лицо Ильи и слышался его тихий голос: «Ты ведь знаешь, что границы нет». Она оттолкнула это видение, как отталкивают горячий сосуд, обжигающий руки.

— Я здесь, потому что верю в понимание. Это первый шаг к предотвращению особо тяжких преступлений, — сказала она, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо. — Мы не можем оста-

новить насилие, если будем видеть в преступниках только монстров. Монстры не поддаются анализу. Мы никогда не проникнем в их сознание, как бы нам не хотелось. А люди поддаются ментальным изменениям. Даже самые страшные из них.

Данилов чуть наклонил голову, взвешивая каждое слово.

— Хорошо, — произнёс он. — Тогда скажите, что, по-вашему, делает человека способным на серийное насилие? Генетика? Травма? Среда? Или всё вместе?

— Всё вместе, — ответила Инга. — Но самое опасное не в самой комбинации факторов. Самое опасное в моменте, когда человек впервые понимает, что ему это… нравится. Что власть над чужой жизнью даёт ему ощущение силы, которого он раньше не знал. Когда мы научимся распознавать этот сдвиг хотя бы у части людей, мы сможем вмешаться, изменить ситуацию.

Инга перевела прямой, уверенный взгляд на Данилова. Сам Данилов сидел спокойно, сложив руки на столе, и смотрел на неё так, будто уже знал о ней больше, чем она сама могла бы рассказать. В его взгляде не было ни любопытства, ни осуждения, а только спокойная, выверенная внимательность, как у человека, который привык замечать детали, пока другие смотрят на общую картину. Он не торопился начинать разговор, давал ей время почувствовать этот кабинет, его тишину, строгость, но и невидимую тяжесть.

Полковник Игорь Николаевич Данилов был из тех людей, про которых говорят «держит спину», даже когда просто сидит. Не из показной выправки, а из привычки. Сама тяжесть решений, которые он принимал годами, выстроила его осанку. Ему было, наверное, под пятьдесят, но возраст читался не в морщинах, а в жизненном опыте и в том, как ровно он держал голову и как спокойно выдерживал паузы.

У него были короткие, чуть седеющие волосы, подстриженные так, будто он много лет ходит к одному и тому же мастеру и никогда не просит «что-нибудь новое». Лицо не было ни суровым, ни добрым. Оно было собранным. Тонкие, чуть жёсткие черты, прямой нос, скулы, которые делали профиль строгим, и глаза цвета тёмного чая, очень внимательные. В них не было холода, но не было и тепла. В них сквозила готовность увидеть правду, даже если она неудобная.

Он носил тёмно-синий костюм, не модный, а практичный. Такой, в котором можно провести двенадцать часов на совещании, потом спуститься в лабораторию и не выглядеть ни слишком штатским, ни слишком военным. Рубашка сияла белизной, но не ослепительно-яркой, а спокойной, чуть приглушённой, будто специально, чтобы не отвлекать. Тёмно-серый без узоров галстук завязан ровно, без излишеств. На запястье простые часы с широким ремешком. Не статусная вещь, а рабочий инструмент.

Движения у него проявлялись довольно скупыми, но точными. Он не размахивал руками, не перебирал предметы, не постукивал пальцами. Когда он складывал руки на столе, это выглядело не как поза, а как точка равновесия. Когда брал папку, делал это так, точно взвешивал, сколько она весит и что в ней написано ещё до того, как её откроет.

Голос Данилова звучал негромко, но так, что его услышали бы даже в шумной комнате. Говорил он ровно, без суеты, и каждое слово ложилось на место, как деталь в механизм. Он редко использовал слова вроде «надо», «приказываю», «срочно». Он говорил «нужно», «важно», «успеть». И от этого его просьбы звучали весомее любого приказа.

Единственная деталь, которая выдавала в нём живого человека, а не идеально отлаженный аппарат, была фотография на столе. Инга заметила, что, когда он ненадолго отводил взгляд, его глаза почти незаметно скользили в сторону снимка. Ненадолго, на долю секунды. Но этого хватало, чтобы понять, что там для него важные люди. Кто-то, ради кого он и держит эту строгую, систему под контролем и ради кого живёт.

И ещё одна деталь бросилась в глаза Инге. На безымянном пальце правой руки у него не было кольца, но на коже оставался светлый след. Казалось, он носил кольцо много лет, а потом неожиданно снял. Развёлся? Не в их системе. Может, кольцо мешало в работе? Или оно

внезапно стало напоминать о чём-то слишком тяжёлом? Инга не знала, но ей казалось, что этот след как шрам от решения, которое он принял недавно и больше не пересматривает.

Когда Данилов смотрел на неё, он не пытался запугать и не старался понравиться. Он будто взвешивал, хватит ли у неё выдержки, чтобы не сломаться под тяжестью того, что они делают, и хватит ли человечности, чтобы не превратиться в сухую систему оценок. И в этом взгляде не было недоверия, скорее ожидание: «Докажи, что ты можешь держать оба края».

— Вы понимаете, Инга Юрьевна, что проект «Геном 7» не про поиск виноватых. Хорошо. Это импонирует, — произнёс он ровно, без пафоса. — Действительно, проект про предупреждение. Про то, чтобы успеть до того, как кто-то сделает шаг, после которого уже ничего нельзя будет вернуть.

Инга кивнула, стараясь не выдать, как сильно у неё сжаты пальцы под столом.

— Понимаю, — ответила она. — Но я не умею работать с абстракциями. Мне нужны люди. Настоящие. С их страхами, ошибками, привычками. Иначе я не смогу помочь.

Уголок губ Данилова едва заметно дрогнул почти улыбкой.

— Именно поэтому вы здесь, — спокойно сказал он. — Мы собираем данные. А вы помогаете нам не забыть, что за этими данными стоят живые люди.

Он взял одну из папок, открыл её ровно на середине и подвинул к краю стола. Не спеша, точно каждое его движение составляло часть какого-то строгого ритуала.

— Вот первый профиль, — произнёс Данилов. — Александр К. Инженер. Семья. Никаких нарушений. Но поведенческие маркеры указывают на возможную эскалацию. В вашем распоряжении справки, фотографии, видеозаписи, протоколы – одним словом, всё, что может Вам пригодиться в работе. Задача посмотреть не только статистику, взглянуть на него не как на объект, а как на субъект, просто на человека. И сказать мне, где, по-вашему, проходит граница между тревогой и опасностью в его случае.

Инга бросила взгляд на папку, потом снова на Данилова. В его глазах не было давления, только ожидание. Он не собирался подсказывать, не собирался облегчать ей задачу. Он хотел увидеть результат.

Она медленно протянула руку и взяла папку. Кожа на обложке была гладкой, почти холодной, и на мгновение Инга почувствовала, точно держит не бумагу и фотографии, а чью-то судьбу, тяжёлую, неудобную, но требующую внимательного, бережного обращения.

— Я посмотрю, — сказала она. — И скажу Вам, что вижу. Но прошу об одном: не заставляйте меня делать выводы только по цифрам и логике.

Данилов снова кивнул, и в его жесте мелькнуло что-то вроде молчаливого согласия.

— Цифры нужны, чтобы не пропустить угрозу, — спокойно ответил он. — Но интуиция нужна для понимания, как с этой угрозой обращаться. Не как с врагом. А как с бедой, которую ещё можно остановить.

В комнате снова повисла тишина, но теперь она стала другой. Уже не давящей, а рабочей. Инга почувствовала, как внутри физически ослабло напряжение. Здесь не требовали от неё слепо подчиняться системе. Здесь хотели, чтобы она оставалась собой и при этом делала важную работу.

И в этот момент мерцающие метки на карте окончательно перестали быть просто точками. Они стали чужими жизнями, дорогами, страхами, минутами, когда ещё можно успеть что-то изменить. Они стали спасёнными жизнями.

Данилов помолчал, потом открыл тонкую папку перед собой и достал оттуда распечатку. Это была фотография. Только не лица, а руки. Крупный план. Длинные пальцы, аккуратный маникюр, но на запястье виднелся тонкий шрам, похоже от наручников.

— Это один из наших объектов, — спокойно сказал он. — Он не в базе МВД. Он не в розыске. Но у него есть три косвенных совпадения по поведенческим маркерам: фиксация на контроле, эмоциональная холодность, повторяющиеся сценарии в личных отношениях. Мы

хотим понять, станет ли он опасен. И если да, то на каком этапе. У Вас все материалы на него теперь есть. Дело за аналитикой и вашими выводами.

Инга посмотрела на фотографию, и у неё внутри всё сжалось. В этих руках было что-то знакомое. Не конкретное, а общее, как отзвук. Как будто она уже видела такой тип ладони в лекциях, в статьях… или во сне?

— А если мы ошибёмся? — тихо спросила она. — Если мы пометим человека как потенциально опасного, а он просто замкнутый, тревожный, травмированный? Что будет с его жизнью, если система решит, что он угроза?

Данилов не отвёл взгляда.

— Это самый сложный вопрос, — признал он. — И именно поэтому нам нужны такие специалисты, как Вы. Не те, кто хочет просто вешать ярлыки. А те, кто понимает, что любая система может ошибаться. Но если мы не попробуем, количество жертв будет расти. Мы не ставим диагнозы. Мы строим прогнозы. И оставляем право на решение человеку. Наша задача остановить его не только в кризисный момент, но уже на этапе, когда он решается переступить черту.

Он сделал паузу, потом наклонился вперёд, чуть понизив голос.

— Инга Юрьевна, я скажу прямо. Нам не нужны только сухие данные. Нам необходим взгляд, который видит за цифрами и фактами человека. И я вижу, что у вас он есть. Но я также вижу, что вы сомневаетесь. Скажите честно, Вы готовы работать с этим? С тем, что придётся смотреть в глаза людям, которые умеют прятать свою суть так, что даже близкие её не замечают?

Инга вспомнила Лизу. Её улыбку, её слова у ворот садика: «Ты не волнуйся, ладно? У тебя всё получится». И вдруг поняла, именно ради этого она здесь. Чтобы таких детей, как Лиза, было кому понять и защитить.

— Готова, — сказала она твёрдо. — Но с одним условием… Я не буду частью системы, которая судит. Я буду той её частью, что пытается понять и помочь. И если прогноз окажется опасным, я хочу участвовать в решении, что делать дальше. Не просто передавать данные, а предлагать варианты помощи.

Уголок губ Данилова чуть дрогнул. Появилась почти улыбка, но не совсем.

— Принимаю условие, — кивнул он. — Нам действительно нужны не только алгоритмы, но и люди, которые помнят, что за каждой меткой стоит жизнь.

Он протянул ей планшет, на экране которого мигал интерфейс с надписью «Доступ к базе: уровень 1».

— Вот ещё к вашим первым материалам, — сказал Данилов. — Три профиля. Изучите их сегодня. Завтра начнём работу.

Инга взяла планшет, чувствуя, как холодный пластик ложится в ладонь. На экране мелькнули первые строки: возраст, профессия, список поведенческих маркеров. И где-то между ними проскользнула едва уловимая тень, которую она не могла обозначить словами, но чувствовала кожей пугающую неизвестность. Но теперь она уже знает, как это будет выглядеть. Она это уже видела семь лет назад.

И тут её накрыло внезапное, острое воспоминание: синие круги из сна, затягивающие в воронку. Илья, его голос: «А если я скажу, что границы нет?» И в этот момент Инга поняла, что сон не был просто игрой подсознания. Он был предупреждением. Или подготовкой. Как будто её разум заранее пытался показать ей, с чем она столкнётся.

— Есть ещё один момент, — сказала она, поднимая глаза на Данилова. — Иногда предчувствие не мистика. Иногда это просто мозг, который складывает кусочки раньше, чем мы осознаём. И если я вдруг скажу что-то, что покажется странным, пожалуйста, не списывайте это на эмоции. Иногда странное просто ещё не названное знание.

Данилов снова кивнул медленно, посмотрел внимательно.

— Запомню, — ответил он. — В нашей работе интуиция, подкреплённая наукой, бывает ценнее любых алгоритмов.

Они подписали документы, обменялись формальными фразами. Инга вышла из кабинета, чувствуя, как воздух в коридоре стал чуть легче. Напряжение никуда не ушло, но теперь оно имело смысл.

На улице город шумел, как всегда: машины, голоса, ветер, шуршащий сухими листьями. Инга остановилась на ступеньках, глубоко вдохнула и достала телефон. Набрала короткий номер.

— Алло, это я, — сказала она, и голос её звучал спокойно. — Как там Лиза? Да, всё хорошо. Я скоро заберу её.

Когда она закончила разговор и вышла из кабинета, на губах сама собой появилась улыбка. Сегодня она не просто мама, которая спешит за дочкой в садик. Сегодня она человек, который пытается сделать мир безопаснее. И пусть впереди будут тяжёлые дела, сложные решения и моменты, когда ей захочется всё бросить, сейчас она знала, что она на своём месте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.